

особенно у 80-ти лѣтнаго старика, всякій день готовящагося къ смерти и зачѣмъ-же сердиться за то, что человекъ не думаетъ также, какъ и я и на мой взглядъ заблуждается. Вы говорите, что ваше письмо будетъ послѣднее. Пожалуйста, такъ и сдѣлайте, если оно не будетъ свойственно людямъ вообще и особенно вамъ—не доброе. Левъ Толстой. 28 января 1909 г.». Я послалъ свое письмо 14 января, почта отъ Вѣрнаго до Ясной Поляны идетъ двѣ недѣли, слѣдовательно отвѣтъ на мое письмо былъ написанъ тотчасъ по полученіи моего письма, подъ первымъ впечатлѣніемъ. На это письмо я долженъ отвѣтить, что лично Льву Н-чу я обязанъ только благодарностью; я не знаю, чѣмъ-бы я былъ, если-бы въ 1862 г. Л. Н-чъ не увлекъ меня къ себѣ, и жизнь въ Ясной Полянѣ и близъ нея въ теченіе всего 1862 года была не только радостна, но и плодотворна. Кромѣ того и въ позднѣйшее время я видѣлъ отъ Льва Н-ча доказательства только расположенія ко мнѣ. Такъ у меня есть сынъ, котораго я отдалъ въ гимназію въ городѣ, въ которомъ я не жилъ, и помѣстилъ на квартиру къ чужимъ людямъ; въ два съ половиною года сынъ мой такъ былъ испорченъ, что не могъ уже продолжать ученія въ гимназіи даже и тогда, когда я самъ поселился въ городѣ, имѣющемъ гимназію; пришлось отдать его въ уѣздное училище, но и тамъ сынъ мой учиться не сталъ и поступилъ въ канцелярію одного правительственнаго учрежденія писцомъ; 20 ноября 1896 г. эготъ сынъ мой, уйдя изъ дому, больше домой не возвращался. А потомъ я слыхалъ отъ Н. Ѳ. Ѳедорова, а ему передавалъ это самъ Л. Н-чъ, что сынъ мой былъ въ Москвѣ и обратился къ Л. Н-чу за помощью, подъ предлогомъ возвращенія ко мнѣ, и Левъ Н-чъ оказалъ ему необходимую матеріальную помощь. Въ 1899 г. я былъ у Л. Н-ча, благодарилъ его за помощь моему сыну, хотѣлъ возвратитъ деньги, но Л. Н-чъ рѣшительно отказался отъ этого*). Все это питаетъ во мнѣ благодарность ко Льву Н-чу. Но неужели Л. Н-чъ думаетъ, что послѣднее письмо мое могло быть вызвано только ненавистью лично къ нему, и неужели же всѣ его обличенія,—какъ напримѣръ въ его „Не могу молчать“,—вызваны ненавистью, которую онъ питаетъ къ обличаемымъ? Что же касается убѣжденій, которыя „у *каждою свои*“, какъ говоритъ Л. Н-чъ, то эти *свои убѣжденія* Л. Н-чъ хочетъ сдѣлать убѣжденіями всѣхъ и въ этихъ его убѣжденіяхъ, распространяемыхъ всѣми возможными способами, указывается путь къ разумной будто-бы жизни, путь, на который Л. Н-чъ хочетъ увлечь всѣхъ. Далѣе Л. Н-чъ говоритъ: „Зачѣмъ-же сердиться за то, что человекъ не думаетъ также-же, какъ я, и на мой взглядъ заблуждается“. Одно и самъ Л. Н-чъ сердится на иначе, чѣмъ онъ, думающихъ, какъ это видно между прочимъ изъ статьи Н. С. „Двѣ недѣли въ Ясной Полянѣ“ въ альманахѣ, изданномъ Сергѣенко, на стр. 314 и 315, гдѣ разсказывается о разговорѣ Л. Н-ча съ монахиней, которой онъ доказывалъ „идею

*) Немогу не отмѣтить еще слѣдующее: въ 3-хъ верстахъ отъ Ясной Поляны есть деревня Телятники, теперь она принадлежит, кажется, Толстымъ, а въ 1-й половинѣ XIX вѣка она принадлежала родному дѣду моей жены Н. М. Огареву, и семейство Огаревыхъ съ семействомъ Толстыхъ было въ наилучшихъ отношеніяхъ. Послѣ бабушки моей жены остались записки, въ которыхъ она дѣлаетъ востороженные отзывы объ отцѣ Л. Н-ча, объ его матери и обо всемъ ихъ семействѣ. Указываю на это, какъ еще на основаніе къ тому, что бы питать ко Л. Н-чу не ненависти, какъ онъ думаетъ, а самое доброе расположеніе.